

«Что даха даст — то и взяха возьмёт»: отглагольные субстантивы в русских говорах и современной поэзии

Елена Евгеньевна Серегина, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
(Россия, Москва), anel1974@bk.ru

DOI: 10.31857/S0131611724030027

АННОТАЦИЯ: В центре внимания автора статьи диалектные слова *взяха*, *взях*, *взяхарь* и *даха*, *дах*, *дахарь*. Тематически статья делится на две части. В первой части речь идет об истории указанных слов и их представлении в лексикографических источниках. В статье обращается внимание на проблему определения слов *взяха*, *взях*, *взяхарь*, которые в областном словаре объясняются в том числе через литературные параллели ‘взяточница’ и ‘взяточник’, что противоречит исконному значению слов и смыслу пословиц. Вместе с тем приходится признать, что для современных носителей русского языка указанные слова в составе паремий осмысляются в значении ‘круговая порука, незаконное обоюдное обогащение’, ‘взяточничество’.

В статье рассматриваются различные подходы к решению вопроса о словообразовательной истории указанных слов. Согласно основным версиям, представленным в этимологических словарях и в отдельных исследованиях, элемент *х* в словах *дахарь*, *взяхарь* (и подобных им образованиях) рассматривается как интервокальная вставка. В соответствии с другой словообразовательной реконструкцией в словах выделяются два суффикса: *-х-* и *-арь* с аналогичными значениями действующего лица.

Во второй части статьи исследуются выразительные возможности слов *даха*, *взяха*, *взяхарь* в поэтическом тексте. В качестве примеров используются фрагменты из произведения «Зангези» Велимира Хлебникова и стихотворение из сборника «Наставки и умудрения» Виктора Коваля.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русская диалектная лексика, этимология, историческое словообразование, поговорки, стилистические функции диалектизмов, В. Хлебников, В. Коваль

для цитирования: Серегина Е. Е. «Что даха даст — то и взяха взяст»: отглагольные субстантивы в русских говорах и современной поэзии // Русская речь. 2024. № 3. С. 20–32. DOI: 10.31857/S0131611724030027.

Issues of Modern Russian Language

“What Dakha Gives — Vzyakha Vzyast”: Verbal Substantives in Russian Subdialects and Modern Poetry

Elena E. Seregina, Saint Tikhon's Humanitarian Orthodox University (Russia, Moscow),
anel1974@bk.ru

ABSTRACT: The article focuses on the dialect words *vzyaha*, *vzyah*, *vzyahar* and *daha*, *dakh*, *dahar*. Thematically, the article is divided into two parts.

The first part deals with the history of these words and their representation in lexicographic sources. The article draws attention to the problem of defining the words *vzyaha*, *vzyah*, *vzyahar*, which are explained in the regional dictionary through a literary parallel ‘bribe-taker’, which contradicts the original meaning of the words and the meaning of proverbs. At the same time, we have to admit that for modern native speakers of the Russian language, these words in the composition of proverbs are comprehended as ‘mutual cover-up’, ‘mutual illegal enrichment’ or ‘bribery’.

The article discusses various approaches to solving the problem of the word-formation history of these words. According to the main versions presented in etymological dictionaries and in separate studies, the element *h* in the words *dahar*, *vzyahar* (and similar formations) is considered as an intervocalic insert. In accordance with another word-building reconstruction, two suffixes *-h-* and *-ar-* with a homonymous meaning of the character (the subject of a speech) are distinguished in these words.

The second part of the article examines the expressive possibilities of the words *daha*, *vzyaha*, *vzyahar* in poetic texts and uses fragments from the work “Zangezi” by Velimir Khlebnikov and a poem from the collection “Guidances and sophistications” by Viktor Koval as examples.

KEYWORDS: Russian dialect vocabulary, etymology, historical word building, paremies, stylistic functions of dialectisms, V. Khlebnikov, V. Koval

FOR CITATION: Seregina E. E. “What Dakha Gives — Vzyakha Vzyast”: Verbal Substantives in Russian Subdialects and Modern Poetry. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2024. No. 3. Pp. 20–32. DOI: 10.31857/S0131611724030027.

Значения диалектных слов по данным лексикографии и НКРЯ

В 1861 году Ф. И. Буслаев писал: «Со временем областной словарь обогатится еще множеством любопытнейших данных не только для грамматики, но и для изучения народного быта. Так в калужском наречии слышатся интересные этимологические формы: *дахарь*, *взяхарь*; например, в пословице: “будешь дахарь, будешь и взяхарь”...» [Буслаев 1861: 153].

Через столетие с небольшим слова, о которых писал Ф. И. Буслаев, наряду с другими образованиями — *дах*, *взях* и *взяха* — вошли в сводный «Словарь русских народных говоров». Однако интерес к данным единицам не ограничился только областью диалектологии. Слова *дах*, *взяха*, *дахарь* используются в поэтических текстах XX и XXI вв., сочетающих фольклорную тематику и экспериментальное начало. При этом данные слова максимально ярко раскрывают свой семантический потенциал, более того, они выполняют роль языкового триггера для образования структурно близких к ним окказионализмов.

Обратим внимание, что указанные диалектные слова территориально ограничены смоленскими и калужскими говорами, они фиксируются в некоторых региональных словарях и сборниках пословиц. Обращались ли поэты к этим изданиям или слова случайным образом были взяты из звучащей речи? Не исключена вероятность, что *дах*, *взяха*, *дахарь* являются

результатом авторского словотворчества. Однозначно ответить на эти вопросы не представляется возможным. Для нас интересно было соединить две разные по задачам и материалу части статьи, обозначив как связующее звено общую для говоров и поэзии лексику¹. В соответствии с этим в отношении лексических единиц *даха*, *взяха*, *дахарь* вне зависимости от их происхождения, а по факту общности употребления в диалектах и поэзии при анализе текстов применяются термины *диалектное слово* и *народное слово*.

Остановимся на описании семантики диалектных единиц в «Словаре русских народных говоров» (далее — СРНГ):

«**Взях**, а, м. Взяточник, тот, кто берет что-либо от кого-либо. *Будь взях, будь и дах* (пословица). **Смол.**, 1853. **Взяха**, и, ж. Взятчица. *Взямха любит даху. Будь взяхой, будь и дахой* (пословица). Даль [без указ. места]. **Взяхарь**, я, м. То же, что взях. *Будешь дахарь, будешь и взяхарь* (пословица). **Калуж.**, 1852. *Много взяхарей, мало дахарей* (пословица). Даль [без указ. места]» [Филин (гл. ред.) 1969: 272].

«**Дах**, а, м. Тот, кто дает что-либо другому. *Будь взях, будь и дах*. **Смол.**, 1914. **Дяхарь**, я, м. Тот, кто дает или дарит что-либо. *Будешь дахарь, будешь и взяхарь* (пословица). **Калуж.**, 1852» [Филин (гл. ред.) 1972: 279].

Слова *взях*, *взяха* и *взяхарь* в СРНГ объясняются через литературные параллели 'взяточник' и 'взятчица'. Для существительных мужского рода приводится уточнение — 'тот, кто берет что-либо от кого-либо'. Для существительного женского рода *взяха* оно отсутствует. Принятое толкование диалектизмов (с учетом современного значения слов *взяточник* и *взятчица*) требует корректировки, так как противоречит цитатному материалу. Паремическая семантика в этом случае искажается, и вместо совета *Будь взяхой, будь и дахой*, то есть 'Если берешь (занимаешь), то и давай (отдавай)' получаем назидание, как будто мотивирующее к даче взятки тех, кто ее берет. А пословица *Много взяхарей, мало дахарей* выглядит как свидетельство о дисбалансе между теми, кто берет взятки, и теми, кто их дает (не в пользу последних), тогда как смысл изречения определенно в другом: 'Много тех, кто берет (занимает), но мало тех, кто готов давать (отдавать)'.

Отметим, что в СРНГ значения слов *взяхарь* и *взяха* иллюстрируются в том числе примерами из словаря В. И. Даля, у которого семантика соответствующих лексем не объясняется посредством слов *взяточник* и *взятчица*: «**Взяхарь** м., **взяха** об. пртвп. *дахарь*, *даха*, кто берет что,

¹ Выражаем благодарность анонимному рецензенту, который обратил внимание на этот и другие вопросы, способствовавшие доработке статьи.

занимает» [Даль 1994: 482]. Релевантность дефиниции подтверждается содержательно близкими пословицами, которые приводятся в этой же словарной статье: *Люби взять, люби и отдать; Умей взять, умей и отдать; Не думай, как бы взять, а думай, как бы отдать*. Приходится признать, что для толкования диалектных слов сложно найти в литературном языке соответствующие однословные единицы (а не развернутые описания) той же частеречной принадлежности, которые были бы и выразительны, и общеупотребительны.

Справедливости ради надо отметить, что некоторые из представленных диалектных слов, а также пословицы, в составе которых они употребляются, уже в XX веке осмысляются в связи с темой круговой поруки.

Так, в словаре М. И. Михельсона «Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии: сборник образных слов и иносказаний» пословица *Будешь дахарь, будешь и взяхарь* представлена в одном разделе с выражениями *Рука руку моет*, т. е. ‘услуга за услугу’; *Лапа в лапу живут* (друг друга кроют). Общий смысл всех выражений в словарной статье трактуется как ‘пойти на компромисс’ [Михельсон 1912: 758]. Иными словами, все пословицы объединяет тема незаконной обоюдной поддержки. Однако обратим внимание, что в издании «Пословицы русского народа» В. И. Даля выражения *Взяха любит даху* и *Будь взяхой, будь и дахой!* помещены в тематический раздел «Займы» [Даль 1879: 15], а пословица *Будешь дахарь, будешь и взяхарь* в словарной статье объясняется следующим образом: ‘Давай людям, и тебе дадут’ [Даль 1994: 1029].

Необходимо обратить внимание на «Словарь смоленских говоров», так как анализируемая лексика широко распространена на смоленских территориях (Демидовский, Починковский, Ельнинский и другие районы). Слово *взяха* в данном издании, помимо значения ‘принимающий, берущий от кого-либо’, имеет и значение ‘взяточник’, при этом иллюстрирующий материал представляет запись непосредственной речи носителей диалекта: *У яго биз взятки ни палучиш — узяха ни прыжывеь нийде биз узятки* [Иванова (ред.) 1980: 53]. Значение ‘взяточник’, как кажется, могло развиваться позже. Так, в «Смоленском областном словаре», изданным ранее (в 1914 г.) В. Н. Добровольским, *взях* представлено только в исконном значении (‘берущий’) и в составе пословицы, а слово *взяха* вообще не фиксируется [Добровольский 1914: 67].

В связи с историей значения исследуемых слов обратимся и к «Словарю русских говоров Белоруссии», который базируется на материале южнорусских говоров старинных русских селений Ветковского и Добрушского районов Гомельской области. В словарных статьях «ВЗЯ́ХА» и «ДА́ХА» интересны два момента. Во-первых, носители говора делают важное уточнение о древнем происхождении слов: «А чилавек дахъ — эта што усё ўсем даёть.

*А нидаха ни чаво ни даётъ. Так у стърину гъварили» (выделено нами. — Е. С.) [Манаенкова 1989: 50]. Во-вторых, слово *взяха* все-таки содержит некоторую степень выраженности негативной коннотации: «Узяха — гъвор'ять: яна любить толькь узять, узяха какая» [Манаенкова 1989: 26].*

Обратимся к функционированию данных слов в русском литературном языке и рассмотрим их значение в современных текстах. В газетном подкорпусе Национального корпуса русского языка зафиксировано два примера с пословицей *Взяха любит даху*, она употребляется в контекстах в связи с темой взяточничества. В первом примере речь идет об инициативе внедрить практику доноса на потенциального взяткодателя, а в качестве поощрения предполагается выдавать премию в размере взятки: *При таком отношении к чести мундира министерская инициатива может спровоцировать обратный эффект: хапуги начнут принуждать «клиентов», чтобы те предложили им взятку. А потом «настучал» коллегам и по закону получил свое. Как гласит русская пословица: *взяха любит даху...* [Ухов Евгений. ПРЕМИЯ В РАЗМЕРЕ ВЗЯТКИ // Труд-7, 2003.05.29]. Второй пример предваряется авторским комментарием, из которого очевидно, что пословица извлекается из народной речи: «Предлагаемые читателю балагурщины, бывальщины, досюльщины, завиральщины и озорные разговоры, — плоды моего собирательства. С раннего детства я живу в атмосфере незлобивых нравов и простодушной русской речи». — *Ежели я дам те пять рублей и голову сахара, поможешь мне? — Не обещаю, но почто же не попробовать. Тем паче, по глазам твоим вижу, что ты хочешь мне дать впридачу и тулуп из овчины. Взяха любит даху! — Точноть! Ты угадал: на большом месте сидеть, надо много иметь, а кому много дано, тому много дают* [Сысоев Вячеслав. ШУТОЧКИ «ОТ СОХИ» // Труд-7, 2002.01.19].*

Итак, очевидно, что диалектные слова, особенно *взях*, *взяха* и пословицы с ними, с течением времени переосмысливались. Каким образом это могло происходить?

Слова *взяха* и *даха* в составе идиом участвуют в формировании общего понятия 'обладание чем-либо', то есть можно дать то, что имеешь (быть *дахой*), или взять то, что есть у другого (стать *взяхой*). Это значение в дальнейшем осложняется новым семантическим оттенком: 'взять или отдать что-либо, но за услугу'. На изменение первоначального смысла выражений могло оказывать значение общеупотребительных слов *взятка*, *взяточник*, *взяточница*. К тому же в семантической структуре предложения *Взяха любит даху* значение глагола-предиката, отношение субъекта к объекту направляют современного носителя русского языка к осмыслению выражения как 'Тот, кто берет взятки, любит того, кто их дает'. Именно это значение пословицы стало доминировать и нашло отражение в словарях, пособиях, некоторых научных работах и СМИ.

Грамматическая характеристика слов *взяха* и *даха*: категория рода

В русских говорах фиксируются слова, обозначающие лиц, незаконно получающих выгоду — взяточников, при этом в качестве примеров используются непосредственные записи живой разговорной речи носителей говора. Так, в областных словарях отмечены лексемы *взя́тчик* и *взя́тник*: *Никита Никитыч взя́тчик был* (Калуж.) [Филин (гл. ред.) 1969: 271]; *Взя́тник о́н, лю́бит подáроцьки* (Холм.) [Гецова (ред.) 1985: 77]. Обратим внимание, что существительные *взя́тчик* и *взя́тник* относятся к мужскому роду, имен женского рода со значением ‘взяточница’ указанные словари (в отличие от словарей современного литературного языка) не фиксируют! Это можно объяснить тем, что в народной речи на уровне лексики отражается традиционное представление о роли женщины в обществе: она не ассоциируется с лицом, занимающим руководящую должность и потенциально способным к получению взятки. В связи с этим возникает вопрос о родовой принадлежности существительных *взяха* и *даха*.

Напомним, что слово *даха* входит в цитатный материал, но не представлено в отдельной статье СРНГ, тогда как *взяха* определяется как существительное женского рода. Между тем в говорах фиксируются аналогичные по способу образования, типу склонения и наличию оценочного компонента существительные: *неда́ха* ‘скупой человек, отказывающий в помощи, избегающий трат, издержек, расходов’ (Опоч. Пск., Твер.); *бахá* (бранно) ‘человек, совершающий бесстыдные поступки, ведущий непристойные разговоры; похабник’ (Онеж. Арх.); *валя́ха* ‘ленивый человек, лентяй, лентяйка’; ‘неряха’; ‘пьяница’ (Твер.); *сна́ха* ‘тот, кто долго спит, соня’ (Тихв. Новг.) [Филин (гл. ред.) 1986: 9; 1966: 152; 1969: 36; Сороколетов (гл. ред.) 2006: 124]. Все перечисленные выше существительные в статьях СРНГ имеют грамматическую помету «м. и ж.», то есть они определяются как имена общего рода. На наш взгляд, слова *взяха* и *даха* также целесообразно отнести к существительным общего рода, несмотря на то что ни одна из пословиц не показывает согласованные определения с данными существительными, то есть контекстов, синтаксически подтверждающих мужской или женский род, нет.

Словообразовательная история слов

Обратимся к вопросам словообразовательной истории рассматриваемых диалектизмов. Наиболее спорным для реконструкции существительных *взяхарь* и *дахарь* является элемент -х-. П. Я. Черных, описывая этимологию деривационно близкого слова *знахарь*, указывает на два суффикса:

-х- экспрессивного характера и суффикс *-ар-ь*, т. е. **зна-х-ъ* > *зна-х-арь* [Черных 2007: 327].

Согласно другой точке зрения, представленной Н. М. Шанским, *х* является интервокальным элементом: *знахарь* образовано с помощью суффикса *-арь* от *знати* (вместо *зна-арь*) так же, как *жить* — *жихарь* 'житель', *баять* — *бахарь* 'болтун' [Шанский 1975: 101]. Такой же позиции придерживался и Ф. И. Буслаев: суффикс *-арь* использовался «для означения лица действующего <...> с присовокуплением *х*: *-харь*: *зна-ть* *зна-харь*, *ба-я-ть* *ба-харь*; обл. *да-харь*, *взя-харь*, от *да-ть*, *взя-ть*...» [Буслаев 1959: 123]. Словообразовательную реконструкцию с двумя суффиксами *-х-* и *-арь* (*знать* — *знаха* — *знахарь*) Н. М. Шанский считал менее убедительной, «так как *nomina agentis* на *-арь* не образуются от слов, уже имеющих знач. деятеля» [Шанский 1975: 101–102]. Вместе с тем примеры из «Словаря русских народных говоров» — *да́харь*, *взя́харь*, *ба́харь* 'говорун, краснобай', *пе́харь* 'певец', *жи́харь* 'житель' свидетельствуют о возможности образования диалектных слов с помощью двух суффиксов, при этом суффикс *-х-* имеет древнее происхождение. Об этом писал А. М. Селищев: формант *-ch-* активно использовался в доисторическую эпоху в именном словообразовании «для уменьшительного или увеличительного значения», в других случаях (в глаголах) служил «суффиксальным элементом в выражении эмоциональности» [Селищев 1952: 76]. В качестве примеров, образованных по данной модели, А. М. Селищев приводит ряд существительных из славянских языков, например: русск. *полох*, южн.-сл. *plachъ*; чешск. *kmoch* (*kmotr* 'кум'); болг., сербск. *сиромач*; русск. *шорох* и др.

Как пишет Л. И. Шелепова, «присоединение к некоторым именам со значением лица, образованным с помощью суф. *-АХ-*, суффикса *-АРЬ* обусловлено стремлением подчеркнуть, выразить более ярко значение *nomina agentis*» [Шелепова 1979: 128]. Таким образом, последовательность присоединения двух суффиксов *-х-* и *-арь* в словах *взяхарь* и *дахарь*, а также в образованиях, подобных им, имеет свою логику.

Что касается существительных *взяха* и *даха*, которые следует квалифицировать как имена общего рода, то они образованы от глагольной основы при помощи суффикса *-х(а)*. В современном русском языке им соответствуют слова разговорного или просторечного характера с морфемами *-х(а)/-ох(а)*: *растеряха*, *завироха*, *побираха*, *выпивоха*. Данный тип ограничен образованиями от префиксальных глаголов на *-терять*, *-вирать*, *-бирать* и *-пивать* [Шведова (гл. ред.) 1982: 152]. В говорах данная словообразовательная модель обладает более высокой степенью продуктивности, при этом мотивирующими являются не только префиксальные, но и бесприставочные глаголы: *спаха* < *спать*, *баха* < *баять*, *знаха* < *знать*.

Не менее интересными с точки зрения происхождения являются слова *взях* и *даха*. Данная словообразовательная модель — отглагольное существительное мужского рода со значением лица, образованное при помощи суффикса *-х*, неизвестна литературному языку, но в говорах такие слова не единичны: *бах* ‘говорун, краснобай’ (Холмог. Арх), ‘хвастун’ (Мурман.); *валях* ‘лентяй’; ‘неопрятный человек, неряха’ (Твер.), *грах* ‘прозвище шумливого крестьянина’ (Новг.) [Филин (гл. ред.) 1966: 151; 1969: 36; 1972: 118].

Слова *взяха*, *даха* и *дахарь* в поэтических текстах XX–XXI вв.

Примеров использования исследуемых слов в современной поэзии немного, но все они служат созданию нетривиальных и вместе с тем отличных друг от друга образов. В журнале «Новый мир» в 2017 году были опубликованы стихи Виктора Ковалёва под общим названием «Наставки и умудрения». Приведем одно из стихотворений полностью [Ковалёв 2017: 121].

Блюди даху свою.
 Что даха даст — то и взяха возьмёт.
 А ты выпестуй зижду —
 вот радость!

Даху и взяху — превозмоги через невозможность.
 Превозневозмогаю зижда воззиждётся!

Употребление диалектных слов *даха* и *взяха* соответствует названию сборника «Наставки и умудрения» — это отсылка к фольклору. Автор предлагает читателю подобие паремии, но поэтической, в развернутом формате и, вероятно, рожденной из личного опыта. Шутливый тон задается сочетанием диалектных (*даха*, *взяха*) и окказиональных слов (*зижда*, *невозмога*, *превозневозмога*), а поучение оформляется императивами (*блюди*, *выпестуй*, *превозмоги*). В отношении слов *даха* и *взяха* интересны два момента.

Во-первых, их позиция в начале текста и в качестве одной из содержательных доминант как бы запускает механизм создания окказионализмов по аналогии к народному слову. *Зижда*, *превозневозмога*, *невозмога* — все эти существительные, так же как *даха* и *взяха*, связаны с глаголами, относятся к одному типу склонения и морфологическому роду. При этом все они соседствуют с однокорневыми глаголами: *даха даст*; *взяха возьмёт*; *превозмоги через невозможность*; *зижда воззиждётся*. Эта особенность создается в фольклорных текстах эффект «глагольно-именного перетекания»: «...Граница между сферой имени и сферой глагола <...> не является столь

непреложной, как в нормированном литературном языке, она может размываться и преодолеваться, а имя и глагол в семантическом и функциональном плане не противопоставляются друг другу, а образуют некий единый смыслопорождающий ресурс» [Толстая 2015: 376].

Во-вторых, семантика слов *даха* и *взяха* в стихотворении переосмыслена. Существительные сохраняют значение производителя действия, названного мотивирующим глаголом — *даха даст*, *взяха взяст*, но вместе с тем очевидно, что речь идет и об отвлеченных понятиях, неких возможностях человека. Таким образом, *даха* — это 'кто дает что-либо' и одновременно 'способность дать', а *взяха* — это 'кто берет что-либо' и 'приобретение', а может быть, и своеобразный отклик, отдача. Вот почему стихотворение начинается с «умудрения»: «Блюди даху свою», то есть 'Обращай внимание на то, что способен дать, остерегайся'. *Даха* и *взяха* контрастируют со словом *жижда*, в соответствии с этим идея обладания и отдачи противопоставлена понятию созидания и устройства: «А ты выпестуй жижду — вот радость!».

Преломляясь через мировоззренческую призму автора, слова *даха* и *взяха* в экспериментальном тексте с ярким фольклорным началом становятся частью новых паремий с новыми смыслами: «Блюди даху свою» — 'Будь внимателен к тому, что можешь дать'; «Что даха даст — то и взяха взяст» — 'То, что отдашь, то и будет принято', а с расширением смысла, надо полагать, может прочитываться следующим образом: 'таким и будет ответ'.

Слово *дахарь* встречается в «сверхповести» В. Хлебникова «Зангези». Приведем фрагмент из песни прощания, которая посвящена покидающим землю старым богам: *Крылом белоснежные махари, Полета усталого знахари, Сияны веянами дахари* [Хлебников 1922: 16]. Первые две строки стихотворения семантизируются, для последней строки требуется «перевод» с «заумного» языка на литературный: *сияны* можно понимать как грамматический намек на причастие; словоформу *веянами*, вероятно, следует интерпретировать как существительное в форме твор. п. мн. ч. Если передать смысл строк в нормативной грамматике, но с потерей звукописи и поэзии языка, то можно предложить такую трактовку: *дахари* (те, кто дают, дарители) *сияны* (осиянные) *веянами* (веющими крыльями).

Следует обратить внимание на рифмующиеся слова *махари*, *знахари*, *дахари*. Существительное *махари* созвучно последующим единицам и образовано по общей с ними модели. Слово *знахарь* Хлебников использует в значении, приближенном к исконному: 'тот, кто знает дело', 'знаток', а в контексте — 'тот, кто обладает высшим знанием', ведь речь идет о богах. С близкой семантикой слово сохранилось и в русских говорах: *знáхарь*, 'тот, кто много знает, знаток'. Слов. Акад. 1847 [с пометой «стар.»].

Вят., 1847 [Филин (гл. ред.) 1976: 314]. В литературном языке *знахарь* употребляется в значении 'лекарь-самоучка' [Шведова (отв. ред.) 2011: 281]. Как пишет П. Я. Черных, это значение более позднее, «установившееся, возможно, лишь в 1-й пол. XIX в.» [Черных 2007: 327]. Последнее из рифмующихся слов *дахари* обозначает тех, кто одаривает; как уже было сказано, в стихотворении В. Хлебникова это боги. Показательно, что и.-е. корень слова *бог* *bhag- имел значение 'наделять', 'раздавать' [Черных 2007: 98], тем самым образ богов как знахарей и дахарей в поэтическом контексте вырастает и переплетается в глубинной семантике разных корней.

Вывод

Справедливость слов Ф. И. Буслаева о «множестве любопытнейших данных» русских говоров доказана самой историей слов *взяха*, *взях*, *взяхарь* и *даха*, *дах*, *дахарь*. Они являются древними образованиями, но не фиксируются в исторических словарях, а в говорах представлены ограниченно. Несмотря на это в современном литературном языке данные слова и пословицы с ними занимают свою нишу, изучаются с научных позиций и творчески перерабатываются в поэтическом языке, а именно: с их помощью решаются версификационные задачи, максимально используются их выразительные возможности и смысловой потенциал.

Источники

Даль В. И. Пословицы русского народа: Сб. пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и проч. 2-е изд., без перемен. Т. 1–2. СПб., М.: М. О. Вольф, 1879. Т. 2. 638 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: «Прогресс», Изд. фирма «Универс», 1994. Т. 1. 1744 стлб.

Добровольский В. Н. Смоленский областной словарь. Смоленск: тип. П. А. Силина, 1914. 1022 с.

Хлебников В. Зангези. М., 1922. 35 с.

Литература

Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М.: Учпедгиз, 1959. 623 с.

Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 1–2. СПб.: Д. Е. Кожанчиков, 1861. Т. 1. 643 с.

Гецова О. Г. (ред.). Архангельский областной словарь. Вып. 4. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. 159 с.

- Иванова А. И. (ред.). Словарь смоленских говоров. Вып. 2. Смоленск: Смол. пед. ин-т им. Карла Маркса, 1980. 116 с.
- Коваль В. С. Наставки и умудрения // Новый мир. М.: Редакция журнала 2017. № 6 (1106). С. 116–121.
- Манаенкова А. Ф. Словарь русских говоров Белоруссии: Ветков. и Добруш. р-ны Гомел. обл. Минск: Университетское, 1989. 231 с.
- Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии: сборник образных слов и иносказаний. Посмертное изд. СПб.: Тип. АО «Брокгауз — Ефрон», 1912. 1046 с.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 01.07.2023).
- Селищев А. М. Старославянский язык. Ч. I–II. М.: Учпедгиз, 1951–1952. Ч. II. 206 с.
- Сороколетов Ф. П. (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. Вып. 40. СПб.: Наука, 2006. 346 с.
- Толстая С. М. Образ мира в тексте и ритуале. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2015. 527 с.
- Филин Ф. П. (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. М., Л.: Наука, 1965–. Т. 2. 1966. 315 с.; Т. 4. 1969. 355 с.; Т. 7. 1972. 355 с.; Т. 11. 1976. 363 с.; Т. 21. 1986. 360 с.
- Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. 8-е изд., стереотип. М.: Рус. яз. Медиа, 2007. Т. 1. 621 с.
- Шанский Н. М. (ред.). Этимологический словарь русского языка. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1963–. Т. II. Вып. 6. 1975. 124 с.
- Шведова Н. Ю. (гл. ред.) Русская грамматика: в 2 т. М.: Наука, 1982. Т. I. 783 с.
- Шведова Н. Ю. (отв. ред.). Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М.: Азбуковник, 2011. 1175 с.
- Шелепова Л. И. Диалектная словообразовательная модель и этимология // Вопросы словообразования в индоевропейских языках: межвузовский сборник. Томск: Издательство Томского университета, 1979. Вып. 3. С. 122–131.

References

- Buslaev F. I. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [Historical grammar of the Russian language]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1959. 623 p.
- Buslaev F. I. *Istoricheskie ocherki russkoi narodnoi slovesnosti i iskusstva* [Historical essays on Russian folk literature and art]. Vol. 1–2. St. Petersburg, D. E. Kozhanchikov Publ., 1861. Vol. 1. 643 p.
- Chernykh P. Ya. *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka: v 2 t.* [Historical and etymological dictionary of the modern Russian language: in 2 vols]. 8nd ed. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 2007. Vol. 1. 621 p.

- Filin F. P. (ch. ed.). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian dialects]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1965–. Vol. 2. 1966. 315 p.; Vol. 4. 1969. 355 p.; Vol. 7. 1972. 355 p.; Vol. 11. 1976. 363 p.; Vol. 21. 1986. 360 p.
- Getsova O. G. (ed.). *Arkhangel'skii oblastnoi slovar'* [Arkhangelsk regional dictionary]. Vol. 4. Moscow, Moscow Univ. Publ., 1985. 159 p.
- Ivanova A. I. (ed.). *Slovar' smolenskikh govorov* [Dictionary of Smolensk dialects]. Vol. 2. Smolensk, SSPI Publ., 1980. 116 p.
- Koval' V. S. [Instructions and wisdom] *Novyi mir. Ezhe mesyachnyi zhurnal khudozhestvennoi literatury i obshchestvennoi mysli* [A new world. A monthly magazine of fiction and social thought]. Moscow, Editorial board of the magazine, 2017, no. 6 (1106), pp. 116–121.
- Manaenkova A. F. *Slovar' russkikh govorov Belorussii* [Dictionary of Russian dialects of Belarus]. Minsk: Universitetskoe Publ., 1989. 231 p.
- Mikhel'son M. I. *Russkaya mysl' i rech'. Svoe i chuzhoe. Opyt russkoi frazeologii: sbornik obraznykh slov i inokazanii* [Russian thought and speech. Yours and someone else's. The experience of Russian phraseology: a collection of figurative words and allegories]. St. Petersburg, "Brokgauz – Efron" Publ., 1912. 1046 p.
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <https://ruscorpora.ru> (accessed: 01.07.2023).
- Selishchev A. M. *Staroslavianskii yazyk* [Old Slavonic language]. Part I–II. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1951–1952, part II. 206 p.
- Shanskii N. M. (ed.). *Ehtimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Moscow, Moscow Univ. Publ., 1963–. Vol. II. Iss. 6. 1975. 124 p.
- Shelepova L. I. [Dialect word-formation model and etymology]. *Voprosy slovoobrazovaniya v indoevropeskikh yazykakh* [Questions of word formation in Indo-European languages]. Tomsk, Tomsk Univ. Publ., 1979. Iss. 3, pp. 122–131. (In Russ.)
- Shvedova N. Yu. (ch. ed.). *Russkaya grammatika: v 2 t.* [Russian grammar: in 2 vols]. Moscow, AS USSR, Nauka Publ., 1982. Vol. I. 783 p.
- Shvedova N. Yu. (resp. ed.). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka s vklucheniem svedenij o proishozhdenii slov* [Explanatory dictionary of the Russian language with the inclusion of information about the origin of words]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2011. 1175 p.
- Sorokoletov F. P. (ch. ed.). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian dialects]. Vol. 40. St. Petersburg, Nauka Publ., 2006. 346 p.
- Tolstaya S. M. *Obraz mira v tekste i rituale* [The Image of the World in Text and Ritual]. Moscow, Dmitrii Pozharskii Univ. Publ., 2015. 527 p.